КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-3-181-193

ОБ УНИВЕРСАЛЬНОМ КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ НАУКИ И КАК БЫ НАУКИ

Р.Л. Лившиц

Вводится понятие как бы науки для обозначения одной из форм имитации научного познания, существующей наряду с псевдонаукой (а также лженаукой и паранаукой). С точки зрения автора, сущность как бы науки состоит в воспроизведении внешних признаков научного исследования ради достижения прагматических целей, не имеющих ничего общего с поиском истины. На одном конкретном примере проанализированы типичные черты, присущие как бы научному тексту. Предложено рассматривать данный текст как эталонный. Разработана универсальная таблица, позволяющая алгоритмизировать процесс разграничения науки и как бы науки. Раскрыто всемирно-историческое значение концепции Эйдельмана как классического воплощения как бы науки.

Ключевые слова: как бы наука, псевдонаука, стиль изложения, логическая культура, банальность, абсурд, универсальный критерий.

ABOUT THE UNIVERSAL CRITERION OF SCIENCE AND LIKE A SCIENCE DISTINCTION

R.L. Livshits

The concept of like a science is introduced to denote one of the forms of imitation of scientific knowledge, which exists along with pseudoscience as well as and parascience. From the author's point of view, the essence of a kind of science consists in reproducing the external signs of scientific research in order to achieve pragmatic goals that have nothing to do with the search for truth. On one specific example, the author analyzes the typical features inherent in a kind of scientific text. It is proposed to consider this text as a reference. A universal table has been developed that allows one to algorithmize the process of differentiating science and, as it were, like a science. The world-historical significance of the Eidelman concept as a classical embodiment of a kind of science is revealed.

Key words: like a science, pseudoscience, style of presentation, logical culture, banality, absurdity, universal criterion.

Не всем же быть умными. В виде исключения должны быть также и глупые, потому что если бы все были умными, то на свете было бы столько ума, что от этого каждый второй человек стал бы совершеннейшим идиотом.

*Ярослав Гашик
«Похождения бравого солдата Швейка»*

В уважающих себя научных изданиях публикации любой работы предшествует ее рецензирование. От рецензента требуется оценить предлагаемый к опубликованию труд, высказать обоснованное мнение: стоит его печатать или лучше отклонить. Любая массовая деятельность естественным образом предполагает установление определенных правил, норм, стандартов, выработку формальных критериев, позволяющих алгоритмизировать процесс. Не является исключением и подготовка научных работ к публикации. Нам уже приходилось заполнять анкету рецензента, в которой надлежало

оценить в баллах научную статью по следующим параметрам: наличию/отсутствию плагиата, актуальности, научной новизне, концептуальному уровню, теоретической значимости, обоснованности выводов и др. Заполнение такой анкеты облегчает и убыстряет процесс рецензирования, поэтому поиск в данном направлении заслуживает одобрения. Однако существующая анкета дает возможность более или менее объективно отразить положительные стороны предполагаемой публикации, но недостаточно полно и точно характеризует изъяны последней. Неявная презумпция данной анке-

Лившиц Рудольф Львович – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-политических дисциплин Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (г. Комсомольск-на-Амуре).

Livshits Rudolf Lvovich – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Socio-Political Studies at Amur State University of Humanities and Pedagogy (Komsomolsk-on-Amur).

E-mail: rudliv@yandex.ru

© Лившиц Р.Л., 2020

ты состоит в утверждении, что зло – это относительная степень добра. Например, безграмотность в такой системе идейных координат выглядит как недостаток грамотности, а дилетантство – как нехватка профессионализма. Но рецензент должен иметь надежный критерий для разграничения простительных недостатков, которые могут быть исправлены путем редактирования, и неустрашимых пороков. Поскольку в двери научных изданий стучатся не только толковые специалисты, но (порой) и бесталанные невежды, постольку задача рецензента – преградить дорогу этим последним, помешать засорению науки мутными сочинениями, ничего, кроме информационного шума, не создающими.

О том, как это сделать с наименьшими затратами сил и времени, мы и хотим поделиться своими соображениями. Разумеется, мы намерены при этом учесть положительные моменты уже существующей анкеты, автор которой нам, к сожалению, не известен.

Но вначале выскажем одно суждение общего характера. Наука – один из видов духовного производства, и в ней, конечно же, проявляются общие его закономерности. Одна из них состоит в том, что невозможно создавать только одни шедевры. Наряду с работами высочайшего уровня существуют вполне добротные, аутентичные труды, а также произведения низкого и даже крайне низкого уровня. Лучше всего это показать на простом и понятном примере, взятом из такой сферы деятельности, как стихосложение. Наш выбор обусловлен спецификой поэзии как явления культуры. Дело в том, что мы воспринимаем стихотворный текст непосредственно, интуитивно, по первому впечатлению, до и помимо рационального осмысления. (Хотя потом, когда оценка уже сложилась, можем ее обосновать логически.)

Вот пример поэтического произведения, которое, без сомнения, относится к разряду шедевров.

...Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнию стыда!
Но если же кого забуду,
Прошу напомнить, господи!
О, сколько лиц бесстыдно-бледных,
О, сколько лбов широко-медных
Готовы от меня принять
Неизгладимую печать! [14: с. 96]

А вот стихи, сочиненные учащимися школы, в которой автор настоящих строк какое-то время преподавал.

Вас с днем рожденья поздравляем,
Удачи, радости желаем.
Желаем здравствовать вам всем,
Чтобы счастливым быть совсем.

Ритм соблюден, рифма, пусть и шаблонная, имеется. Но все равно это плохие, никуда не год-

ные стихи, в сущности, только имитация поэзии. (По понятным причинам я об этом ученикам не сказал; ведь чувство их было правдивым, хоть голос фальшивым.)

Для наших рассуждений важно иметь в виду следующее. Пирамида качества ограничена как сверху, так и снизу. На вершине пирамиды – абсолютные шедевры, превзойти которые невозможно. В основании – шедевры другого рода, хуже которых придумать уже не получится. Именно их можно принять за эталон при оценке степени злокачественности того или иного продукта духовного производства.

Явления аналогичного типа, существующие в науке, мы и предлагаем называть как бы наукой. Эту последнюю не следует путать с псевдонаукой (или лженаукой). О сущности псевдонауки имеется обширная литература [1; 2; 5; 6; 11–13; 15–17]. Наиболее детально этот вопрос освещен в содержательной статье А.Г. Сергеева [15]. Псевдонаука занимается тем, что развивает и пропагандирует завиральные идеи. Классический пример – «новая хронология» с ее идеей «заговора историков» против истины. Не иссякает поток работ, опровергающих специальную теорию относительности. Необозримо количество публикаций, в которых разоблачается «лунная афера» США. В медиaprостранстве фигурирует масса текстов, созданных разными альтернативно одаренными авторами, в которых решительно отвергаются все твердо установленные и надежно удостоверенные практикой истины и факты. Эпическую битву с подобными проявлениями агрессивного невежества ведет Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований при Президиуме РАН. (В декабре 2018 г. комиссия разделилась.) Феномен, о котором мы ведем речь, другого рода. Нас интересуют не творения эксцентричных маргиналов, которых в наши дни принято называть фриками, а работы, создаваемые людьми, претендующими на респектабельность. Сами эти люди пребывают в счастливом заблуждении, считая себя учеными, и эту иллюзию порой разделяют и другие. Как бы ученые не занимаются ниспровержением общепризнанных истин. Не претендуют на революцию в науке. Не высказывают гипотез, находящихся в противоречии с бритвой Оккама. Но все равно написанные ими работы относить к настоящей науке нельзя, ибо научность в них только имитируется. Задача имитаторов сугубо прагматическая: получить ученую степень, увеличить количество публикаций в списке своих работ, придать себе вес в научном мире, встать в научной иерархии на ступень выше. Это в действительности не ученые, а дельцы от науки, и истина их ни в малейшей степени не волнует. Создаваемые имитаторами тексты – это *плохие* тексты.

Но как отделить настоящую науку от как бы науки? С помощью каких инструментов измерить степени злокачественности текста, претендующего на научность? Вот в чем вопрос.

На него-то мы и попытаемся дать ответ в настоящей статье.

Наша задача облегчается тем, что в литературе уже есть опыт формализованной оценки текстов, поступающих в научные издания.

Это, прежде всего, небольшая статья (даже, пожалуй, заметка) Е.Д. Эйдельмана в журнале «Здравый смысл» [18]. В ней предложена анкета, которая в существенной мере способствует облегчению непростого труда рецензента.

Она невелика, поэтому имеет смысл привести ее полностью (табл. 1).

Рецензенту остается дать ответ по каждому пункту, суммировать полученные баллы – и результат готов. Если количество баллов превышает определенный показатель, то рецензируемая работа уверенно относится к разряду псевдонаучных.

Просто, удобно, технологично, практично. Мы не утверждаем, что анкета Е.Д. Эйдельмана есть предел совершенства, и вполне допускаем возможность ее улучшения, но несомненно то, что путь, который он предложил, – реальный способ облегчить задачу рецензента и редактора.

Е.Д. Эйдельман пришел к своему обобщению не путем умозрения, а на основе опыта. Ознакомившись с великим множеством псевдонаучных текстов, он сумел отсеять случайности и выявить определенные закономерности. Он двигался от практики к общим идеям, а не наоборот. В принципе, иного пути для поиска маркеров, отделяющих науку от псевдонауки, не существует. Таким же точно путем нужно идти, если мы желаем выработать критерии, позволяющие разграничить науку и как бы науку. Чисто дедуктивным путем эту задачу решить невозможно. Насколько обязательно, однако, изучение множества работ для получения достоверного результата?

Таблица 1

Демаркация науки и псевдонауки

1. Имеет ли автор образование, соответствующее теме?	Да (0)	Нет (1)
2. Принадлежит ли автор к научной школе (был в аспирантуре, докторантуре и т.п.) по данной теме?	Да (0)	Нет (1)
3. Публикации автора в рецензируемых научных журналах по другим темам	Есть (0)	Нет (1)
4. Имеются ли в рецензируемых научных журналах публикации автора по теме сообщения (привести список 2–3 публикаций)?	Есть (0)	Нет (2)
5. Имеются ли обзоры специалистов по данной теме в рецензируемых журналах (указать хотя бы один)?	Есть (0)	Нет (2)
6. Имеются ли у автора рекомендации известных в данной области специалистов (членов РАН и т.п.)?	Есть (0)	Нет (1)
7. Цитируются ли в работах автора статьи по данной теме, опубликованные в рецензируемых журналах?	Да (0)	Нет (1)
8. Проводились ли работы по теме открыто или в закрытом порядке (секретно)?	Открыто (0)	Секретно (1)
9. Было ли целью источника сделать фундаментальное открытие по этой теме?	Нет (0)	Да (2)
10. Имеются ли в публикациях автора благодарности другим лицам за обсуждение полученных результатов?	Да (0)	Нет (1)
11. Поддерживались ли исследования автора научными фондами: РФФИ и др.? Укажите, какими	Да (0)	Нет (1)
12. Можно ли изложить сведения, сообщаемые автором, в терминах, используемых в учебниках для средней школы и младших курсов вуза?	Да (0)	Нет (1)
13. Опровергает ли автор общепринятые теории?	Нет (0)	Да (2)
14. Имеется ли проверка другими специалистами сведений, сообщаемых в представленных материалах?	Да (0)	Нет (1)
15. Опирается ли автор при доказательстве правильности сообщаемых им сведений на общие философские или методологические основания?	Нет (0)	Да (1)
16. Приведет ли реализация излагаемых сведений к кардинальным изменениям в жизни общества?	Нет (0)	Да (2)
17. Нужно ли для реализации излагаемых сведений действовать в рамках существующих правил и процедур?	Да (0)	Нет (1)
18. Когда должны быть реализованы излагаемые результаты?	В будущем (0)	Немедленно (1)

В реальности каждая плохая работа плоха по своему, и степень их злокачественности может сильно варьировать. Кроме того, существует искажающий фактор в виде вмешательства научного редактора. Редактор пытается, в меру своих сил, сделать из слабой статьи конфетку, и, хотя его возможности небезграничны, порой достигает определенного успеха. Объективно действия такого редактора ведут к тому, что необходимый нам для обобщения материал подвергается, так сказать, порче. Поэтому предпочтителен другой путь: изучение классического, эталонного образца как бы науки с целью выявления ее верифицируемых маркеров. При этом важно, чтобы это не были статьи студентов, магистрантов или иных авторов, еще должным образом не введенных в храм науки. Они только постигают азы научного ремесла, какой с них спрос? Нам нужен труд, официально признанный вкладом в науку, желательно серьезным вкладом. Задача кажется неразрешимой, потому что существует институт научного редактирования, который должен, по идее, воспрепятствовать появлению такого рода работ. Но любой механизм дает сбой, любой фильтр может быть неисправен. И вообще в реальной жизни нередко случается то, чего теоретически не должно быть. Не будем далее томить читателя неизвестностью: Фортуна озарила нас своей лучезарной улыбкой, и мы нашли искомый труд. Речь идет о двух монографиях Г.Э. Говорухина, опубликованных в Комсомольске-на-Амуре в 2007 и 2008 г. соответственно [3; 4]. Нам уже приходилось писать об этих неординарных сочинениях [8–10], однако, сознаемся честно, мы не в полной мере отдавали себе отчет в грандиозности вклада, внесенного Г.Э. Говорухиным в науку. Но, как известно, большое видится на расстоянии, и сейчас, по прошествии более десяти лет, мы имеем возможность скорректировать прежнюю позицию.

Внимательный читатель может упрекнуть нас в непоследовательности: мы обещали отыскать *один* эталонный труд, а фактически представили на рассмотрение публики *два*. Спешим успокоить нашего критика: фактически перед нами – не разные монографии, а два издания одной и той же. Первая практически вся, с ничтожными изменениями, вошла во вторую. Автор добавил два параграфа ко второй главе первой монографии и присовокупил третью главу. Как бы ученые поступают таким образом довольно часто, но им обычно недостает той элегантности, с которой проделал эту процедуру Г.Э. Говорухин. Он не стал, подобно некоторым не очень искусным коллегам, ограничиваться перестановкой слов в заголовке, а просто сочинил новый, не имеющий ничего общего с прежним. Тем самым им задана очень высокая планка в деле изготовления как бы научных продуктов. Но, если разобраться, эта

планка расположена на высоте не предельной, а беспредельной. Оцените по достоинству такой факт: название второй монографии на обложке дано в одном варианте, а на титульном листе – в другом. В первом случае слова «Принципы формирования регионального управления на Дальнем Востоке» заключены в скобки, во втором – нет. В оглавлении первого издания монографии первая глава называется «Европейский дискурс власти. Постановка проблемы», а в самом тексте на с. 13 – «Власть и властный дискурс: история взаимодействия». То есть автор, дойдя до тринадцатой страницы, забыл о том, что написано на четвертой. На этой же тринадцатой странице формулируется цель исследования, но на шестнадцатой она формулируется снова! Причем совсем не та, что прежде. И кто еще дерзнет состязаться с Г.Э. Говорухиным в деле ниспровержения замшелых канонов изложения?! Да, это классика, и ее, как всякую классику, превзойти невозможно.

Но продолжим погружение в предмет.

Непреходящая заслуга автора – особый, уникальный, совершенно неповторимый стиль изложения. Он настолько своеобразен, что возникает даже вопрос: да стиль ли это? Быть может, что-то более существенное: наречие, диалект, самостоятельный язык?

Приведем некоторые образчики этого беспрецедентного феномена. Оцените по достоинству такое высказывание: «Вместе с тем, способность к увеличению объемов поглощения товаров городом и поселением вела к увеличению охвата территории новыми товарно-продовольственными базами, которые снабжали город всем необходимым наряду с теми территориями, которые непосредственно примыкали к городскому пространству» [4: с. 245]. (Пунктуация источника. – Р.Л.) Итак, «способность к увеличению вела к увеличению». Не правда ли, оригинально? Другой вопрос, уже не риторический. Базы снабжали город и территории, которые к нему примыкали, или базы вместе с примыкающими территориями снабжали город? Простому доктору философских наук понять сие невозможно. Оцените также изящество конструкции «способность к увеличению объемов поглощения товаров городом и поселением». Пять существительных подряд в непосредственном соседстве с двумя существительными, соединенными союзом и предложением. Кто смог бы, выражаясь высоким говорухинским стилем, написать «более хуже»? Приведем еще некоторые примеры стилистических красот, коими изобилует цитированный труд: «Понимание власти в системе структурно-функционального анализа, предлагаемое Парсонсом при всей оппозиционности концепции конфликтного ее понимания выражает классическое для XX века видение проблемы» [3: с. 76]. (Пунктуация, естественно,

сохранена. – Р.Л.) «Понимание при оппозиционно-сти концепции понимания» – какая изумительная мощь слова! Какое глубокомыслие! А вот еще одно столь же изящное высказывание: «В условиях привычной, то есть естественной (обоснованной и рационализированной), системы отношений выявить условности или метафоры в действиях и поведении социальных агентов не представляется возможным, но вне границ данной коммуникации условности не только обнаруживаются, но и выступают диссонансом привычных отношений» [3: с. 81]. Предлагаем восхититься другим бриллиантом глубокомыслия: «Человеческие черты экспонируются на ландшафт городского пространства, а также детерминируются собственно этим ландшафтом» [3: с. 110]. (Интересно, как на «ландшафт городского пространства» экспонируется такая человеческая черта, как глупость? И как она этим ландшафтом детерминируется?) Приведем еще некоторые образцы стилистических красот, коими так богата монография Г.Э. Говорухина. «В данном случае мы сталкиваемся с прагматизмом, приравнивающим правильное действие и логически вытекаемое следствие этой деятельности» [3: с. 125]. Признаться, нам никогда не приходилось сталкиваться с *вытекаемым* действием. По той, вероятно, причине, что в русском языке страдательных причастий от непреходящих глаголов не образуется. А вот еще один перл: «Формальное условие освоения пространства дискурсивно, именно в этой связи акцент освоения делается на поколении, которые будут пользоваться плодами освоения территории» [3: с. 143]. В одной короткой фразе трижды употреблено слово «освоение». Кто сможет больше? И кто знает, что такое «акцент освоения»? А вот пример тавтологии: «Ожидаемые и привычные действия политических деятелей переносятся в область философских текстов и становятся программами к действиям будущих политиков» [4: с. 34]. Итак, «действия деятелей становятся программами к действиям». (На «программах к действию» внимание заострять не будем, чтобы не навлечь на себя обвинение в придираках). Но троекратное использование одного и того же слова во фразе – далеко не предел возможностей доктора социологических наук. Способен он употребить одно слово и четырежды. Приведем соответствующую цитату: «Выявление устойчивых сочетаний смыслов позволит определить не только саму сегрегацию городского пространства, но и наделение смыслом каждого из района города, динамику смыслов, и как следствие, организацию городского пространства, включающую сами смыслы» [4: с. 261]. Тут прекрасно все: и четырехкратное употребление слова «смысл» в одной фразе, и грациозная конструкция «выявление позволяет определить наделение», и изысканное

выражение «каждого из района». Пунктуацию оставим без комментариев. А вот еще один пример выдающегося литературного мастерства Г.Э. Говорухина: «Тот же Гидденс (А. Giddens, 1984) ссылаясь на работу Людвига Витгенштейна (L. Wittgenstein, 1972) говорит о том, что, сформулированные правила, получившие вербальное выражение в законах, бюрократических правилах, играх и пр., выступает, прежде всего, «кодифицированными интерпретациями правил», а не правилами как таковыми» [3: с. 149]. (Пунктуацию оставляем в неприкосновенности. – Р.Л.) Весьма характерен тот факт, что дана ссылка на англоязычный оригинал работы Гидденса, а не на общедоступный перевод. Тем самым читателю ненавязчиво намекают, что с английским языком автор на ты. Общины автор именует не иначе, как коммьюнити [3: с. 120; 4: с. 212], и вообще не упускает случая блеснуть своей приобщенностью к англоязычной культуре. Другая особенность стиля Г.Э. Говорухина – тяготение к канцеляризмам. Наиболее наглядно это проявляется в том, что автор не знает иного слова для передачи идеи воплощения чего-то в действительность, кроме глагола «осуществляется». У него осуществляется «заселение пространства» [3: с. 11], «позиционирование понятия и дискурса власти» [3: с. 21] (хорошо бы знать, что это такое. – Р.Л.), «социализация власти» [3: с. 37], «распространение рационализма в системе властных отношений» [3: с. 55] (еще одна загадка. – Р.Л.), «кредитование доверия» [3: с. 76], «осмысление и символизация территории» [3: с. 95], «понимание особенности пространства» [с. 143], «апробация эффективности социальной модели поведения» [3: с. 150], «освоение Дальнего Востока крестьянами» [4: с. 199], «косвенное влияние власти на пространство» [4: с. 216], «процесс окультуривания пространства» [4: с. 225], «контроль власти» [4: с. 240], «рефлексия горожан на свое место в истории страны» [4: с. 257] (о, златоуст!). Тот же глагол и причастия от него используются и в активном залоге [3: с. 13, 85, 90, 91, 96].

Нами приведено лишь незначительное количество стилистических перлов, которыми обогатил человечество Г.Э. Говорухин. Великолепные жемчужины его красноречия щедро рассыпаны по страницам монографии, и всякий желающий может насладиться их созерцанием. (Если, конечно, этому желающему достанет душевных сил погрузиться в изучение оной.)

Весьма непросто передать такую существенную особенность говорухинского словосозидания, как совершенно свободная, никакими условностями не связанная манера расставлять знаки препинания. Или, например, чуждое всякого доктринерства отношение к требованию согласовывать слова в роде, числе и падеже [3: с. 77, 96, 116, 137; 4: с. 189, 203, 237, 274, 284].

Не сумели мы воспроизвести и другую принципиальную черту творческого почерка Г.Э. Говорухина: отсутствие всякого догматизма в вопросах орфографии. Слово «большинство», например, он ничтоже сумняшеся пишет через «е» [3: с. 150]. В его нетленном творении мы находим следующие перлы: «прямо таки экстраординарные» [3: с. 129], «апеллируя ими» [3: с. 34], «конкуренетноспособность» [4: с. 198], «селЕтебная застройка» [4: с. 200], «на лицо перестройка сознания человека» [4: с. 204], «эксперЕментировать» [4: с. 212], «коннАтативный» [3: с. 125], «конотативный» [4: с. 268], «кондоминиМум» [4: с. 282]. Там, где частицу *не* следует писать слитно, он пишет раздельно, а там, где раздельно, – слитно [напр., 3: с. 82; 4: с. 171, 202, 215, 281]. И это еще далеко не все! Автор употребляет понятия в произвольном смысле, не считаясь с их реальным значением. Он путает понятия «уникальный» и «единственный» [3: с. 35], «куръез» и «парадокс» [3: с. 36], слова «такой» и «таковой» [4: с. 59], аутентификацию и идентификацию [3: с. 160], силлогизм и афоризм [3: с. 125], аналог и образец [3: с. 10], обстоятельство и свидетельство [3: с. 74], цепь и линию [4: с. 248], экстрарецепторную систему и интерорецепторную [4: с. 247], сформированность и сформулированность [4: с. 222], дублирование и копирование [4: с. 240], странность и особенность [4: с. 255], освещение и освящение [3: с. 16], слова «доминантный» и «доминирующий» [4: с. 216, 218, 219]. Мэтр употребляет в неведомом смысле слова «экспонировать» [3: с. 110], «рефрен» [3: с. 21], «знаменатель» (Там же), перверсия [3: с. 22, 106]. Г.Э. Говорухин измыслил «золоторазведывательные экспедиции» [с. 243], интенсивность у него обладает свойством активности (Там же), численность сосредотачивается [4: с. 237], процесс коммуникации стягивается в треугольник [4: с. 283], у пространства появляются ландшафтные особенности [4: с. 214], и оно к тому же занимается хозяйственной деятельностью [4: с. 246], миграция артикулирует [4: с. 222]. Буйное воображение языктворца произвело на свет таких словесных бастардов, как «администратизация» [4: с. 234], «окрестьянизация» [4: с. 201], «земледельчество» [4: с. 197], «процентность» [4: с. 220], «физичный» [4: с. 167] «макроисторичность» [4: с. 211]. Да, воистину «велик могучим русский языка». Но пародист Александр Иванов, которого мы процитировали, все-таки вряд ли смог бы додуматься до слова «застолбление», явленного *urbi et orbi* в первом издании монографии Г.Э. Говорухина [3: с. 144, 156].

Представление о стиле этой сокровищницы мудрости будет неполным, если не упомянуть о другой ее особенности. Эта последняя состоит в том, что одному и тому же слову автор придает порой совершенно разный смысл. Возьмем, напри-

мер, слово «топоним». Иногда [4: с. 231, 260] он употребляет его правильно, для обозначения названия мест. Но порой [3: с. 146] для обозначения места он использует понятие «этноним». Однако на с. 249 второго издания монографии слова «этноним» и «топоним» написаны через запятую, как синонимы. Разумеется, текст монографии изобилует описками [4: с. 201, 203, 213, 215, 236, 238, 239, 250, 261, 276, 289, 281, 286], в нем в большом количестве встречаются плеоназмы: «особая специфика» [3: с. 9], «говоря об условиях, речь должна идти» [3: с. 81], «философские теоретические представления» [3: с. 106], «отклик понимания» [3: с. 137], «эпическая сага» [3: с. 142], «территориальное пространство» [с. 144], «говоря о правилах, необходимо говорить» [3: с. 149], «взаимообмен» [4: с. 203], «административные бюрократические органы» [3: с. 163], «топонимика мест» [4: с. 260], «интерактивное взаимодействие» [4: с. 204, 208, 271], «рефлексивное реагирование» [4: с. 213], «управленческий бюрократический аппарат» [4: с. 215], «смысловое значение» [4: с. 230], «коммуникативное взаимодействие» [4: с. 253], «полномочные функции» [4: с. 287]. С такими вещами приходится сталкиваться любому редактору научных текстов, здесь оригинальность Г.Э. Говорухина проявляется не столько в качестве ошибок, сколько в их количестве. Но есть и то, что отличает обычного безграмотного человека от обладателя выдающихся способностей по этой части. Например, в бесценной монографии Г.Э. Говорухина мы обнаруживаем такой термин, как позит [4: с. 163, 199, 258]. Что он означает? Каков его смысл? Ни в одном издании, ни в одном источнике этот термин не встречается. Все поисковые системы на запрос об этом слове выдают нулевой результат. Мы предпринимали попытку выяснить значение термина из контекста, но, признаемся, потерпели полное фиаско. Эта загадка еще ждет своего разрешения.

Но уже сейчас можно сделать вывод, что перед нами – явление неординарное, выдающееся и, не побоимся сказать, великое. Каждая национальная культура по праву гордится своими мастерами самовитого слова. Американцы с пиететом относятся к Дж. Бушу-младшему, выдающемуся оратору современности. Бушизмы, т.е. изречения 43-го президента США, пользуются большой популярностью в кругах американских интеллектуалов. Вот одно из этих откровений: «Я думаю, что каждый, кто не думает, что я достаточно умен для того, чтобы справиться с этой работой, недооценивается». Не правда ли, прекрасно сказано?! Виталий Кличко навсегда вписал свое имя в украинскую и мировую культуру, заявив, что в будущее могут смотреть не только лишь все. Ничуть не менее колоритным персонажем отечественной истории был Виктор

Степанович Черномырдин. «Никогда такого не было, и вдруг опять!» – разве это не шедевр? По нашему мнению, Григорий Эдуардович – фигура не меньшего масштаба, чем Виктор Степанович. В этом нас убеждают труды доктора социологических наук. «Властные отношения рассматривались <...> в вопросе собственности» [3: с. 59]. «Ландшафт городского пространства» [3: с. 110], «тонкие нити цепей» [4: с. 248], «соипостасные богу притязания» [3: с. 21], «победное шествие мечты в мечтах» [3: с. 6] – да эти словесные жемчужины вполне достойны того, чтобы поставить доцента Говорухина в один ряд с самыми выдающимися остроловами нашего времени.

Нам могут возразить, что стиль характеризует не столько содержание текста, сколько его форму. И потому недостатки стиля сами по себе не могут быть основанием для того, чтобы считать тот или иной текст не отвечающим критериям научности. В общем виде такой вывод, конечно, верен, и это означает, что от рецензента требуется проанализировать не только стиль, но и логику представленной на его суд работы.

Что ж, попробуем рассмотреть оба издания монографии Г.Э. Говорухина под соответствующим углом зрения. Конечно, для этого придется проделать нелегкий труд дешифровки говорухинской тайнописи, но тут как раз такой случай, когда цель оправдывает потраченный на ее достижение труд. Отчасти эта работа нами уже проделана [10: с. 52–56], кратко изложим полученные результаты. Так, в качестве ключевого понятия всей его теоретической конструкции выступает пространство. Но что это такое? Попробуем выяснить из текста. На с. 90 первого издания монографии читаем: «Пространство, в том числе и географическое пространство власти – это символическая реальность, в пределах которой властные отношения могут быть приняты легитимными». (Пунктуация сохранена. – Р.Л.) Здесь сделано три утверждения. Первое: пространство – символическая реальность. Второе: географическое пространство власти – составная часть пространства. Третье – географическое пространство власти относится к пространству как часть к целому. Запомним. Но вот что написано далее: «Являясь частью символической реальности конкретного пространства, система властных отношений осуществляет процесс адаптации человека к территории» [3: с. 90–91]. Итак, нам говорится, что 1) существует «система властных отношений», 2) она является частью «символической реальности конкретного пространства». Но ведь в предыдущей фразе сказано, что пространство и есть символическая реальность. Таким образом, получается, что «система властных отношений» входит в символическую реальность символической реальности.

А это уже, извините, в нормальную логику не укладывается. (Впрочем, нечто подобное нам уже встречалось на с. 6 первого издания монографии. Там Г.Э. Говорухин блеснул «победным шествием мечты в мечтах».) Но продолжим чтение: «Более того, власть, наряду с иными формами социального взаимодействия, осуществляет процесс символизации пространства» [3: с. 91]. Но зачем символизировать то, что является символической реальностью по определению? Причем субъектом этого действия – столь же таинственного, сколь и странного – оказывается власть. Власть – это ведь то, что непременно «входит в систему властных отношений», не так ли? Но эта самая система, как нам только что сказано, является частью символической реальности символической реальности. Таким образом, получается, что часть символической реальности символической реальности занимается символизацией пространства, которое, напомним, является символической реальностью по определению. Как, скажите, человеку среднего ума уложить все это в голову? Но ведь на этом пытка, которой подвергается рассудок читателя, не заканчивается. На с. 97 первого издания читаем: «Серьезным испытанием на пути создания символического пространства территории является слабая интегрированность населения в схему осваиваемого пространства». Из предыдущего изложения мы знаем, что пространство – это символическая реальность. А что же тогда такое «символическое пространство территории»? Это какая-то отдельная сущность или что-то иное? Туман становится просто непроглядным, когда мы дойдем до с. 144 первого издания и обнаружим там «территориальное пространство». Так территория обладает свойством, именуемым пространством, или пространству присуще качество территориальности? Где здесь субъект, а где – предикат? Но к с. 229 второго издания туман сгущается настолько, что превращается в густую тьму. Там написано: «Освоение территории (пространства) становится формой включения этой территории-пространства в реестр четких правил того государства, силами которого идет освоение». Еще одна версия соотношения понятий «пространство» и «территория». Оказывается, это одно и то же. Поневоле хочется воскликнуть вслед за поэтом: «Не дай мне бог сойти с ума!». Впрочем, бунт против логики продолжается. Наряду с обычным пространством, «географическим пространством власти» автор постулирует существование еще великого множества пространств: социального [3: с. 151], игрового [4: с. 228], семиотического [4: с. 247], демографического, экономического, административного, символического [4: с. 249] и даже «пространства претензий» [3: с. 34]. Разумеется, никакого определения этим пространствам не дается, как не дается и никакого разъяснения относи-

тельно их соотношения. Полное торжество свободы мысли, не обремененной докучной необходимостью соблюдать законы логики!

Однако логика, как и стиль, характеризует не столько содержание научного труда, сколько его внутреннюю организацию. Оценка любой работы, претендующей на научность, требует анализа не только того, как текст организован, но и того, какие идеи в нем выражены. Иначе говоря, рецензент не имеет права ограничиться рассмотрением только логики и стиля, он обязан проанализировать текст на концептуальном уровне. Интересующая нас монография весьма поучительна и в этом отношении.

Начнем с заголовков. Это очень ответственный элемент любой работы, ведь по нему мы судим о ее содержании. Название в предельно кратком виде сообщает нам о том, чему посвящено исследование, о чем в нем идет речь. Первое издание монографии, напомним, озаглавлено «Власть и властные отношения в символическом пространстве осваиваемого региона». Название, конечно, неудачное, ибо 1) содержит языколомное слово «осваиваемого», 2) включает в себя двусмысленный термин «символический». У слова «символический» есть два значения. Первое: имеющий отношение к символам, символичный; второе: производимый не всерьез, а понарошку, для видимости. Например, выпить чисто символически, символический поцелуй. При ознакомлении с текстом становится ясно, что имеется в виду первый смысл. Но ведь для этого надо текст прочитать или хотя бы почитать! Второе издание называется совершенно по-другому: «Власть политики. Власть пространства Принципы формирования регионального управления на Дальнем Востоке». (Название приводится то, что дано на обложке. Пунктуация сохранена. – *Р.Л.*) Причины, побудившие автора нетленного творения поступить таким образом, житейски понятны: горячее желание поскорей обрести докторскую степень. Но для научного анализа этот вопрос не имеет значения. Вопрос состоит в том, насколько этот новый заголовок информативен. Увы, и он не без греха. Так, он содержит словосочетание «власть политики». Но ведь политика – это, согласно общему пониманию, отношения по поводу власти. Получается, таким образом, «власть отношений по поводу власти». Извините, но это опять какая-то «мечта в мечтах», нечто такое, от чего ум за разум заходит. Третья часть заголовка в полной мере соответствует требованиям научности. Читатель отлично понимает, о чем нам собирается поведать автор: о принципах, которыми руководствуется российское государство, управляя своими территориями на Дальнем Востоке. И было бы просто замечательно, если бы автор свое обещание выполнил. Однако самое тщательное изучение почти трехсотстранич-

ного текста не позволяет обнаружить хотя бы одной формулировки хотя бы одного принципа управления. Впрочем, было бы странно ожидать иного от трактата, в заголовке которого фигурирует девиантное словосочетание «власть политики».

В жизни всегда найдется место подвигу. И смельчак, который решится осилить труд Г.Э. Говорухина, может на собственном опыте в том убедиться. Какие новые идеи, какие теоретические прозрения ждут героя, сумевшего преодолеть барьер экзотических терминов, неудобоваримых фраз, загадочных сентенций, логических несуразностей и грамматического невежества? Увы, его ждет разочарование. Дело в том, что суждения, на неподражаемом говорухинском сленге излагаемые, либо банальны, либо нелепы. Проиллюстрируем наше утверждение несколькими примерами. На с. 129 первого издания читаем: «Все три фактора (каких именно, не сообщается. – *Р.Л.*) позволяют составить общий смысловой ряд о пространстве, согласуясь с ожидаемым гносеологическим представлением обывателя. Любой обыватель понимает себе пространство Дальнего Востока, согласуясь, естественно, со своим здравым смыслом. И принимает его в фокусе смысловой конвергенции собственной культуры (пространства), и культуры пространства, в которой представления о происходящем осуществляются на глазах и достоверно известны». (Пунктуация сохранена. – *Р.Л.*) «Гносеологическое представление», «фокус смысловой конвергенции», «смысловой ряд о пространстве» – на неподготовленного читателя такая ученость производит впечатление устрашающее. Но почитаем дальше. «Скажем, житель Вологодской области XIX, предпринимая путешествие на Дальний Восток, в ходе этого путешествия, а главное, в процессе собственно интеграции меняет представление (смыслы) о пространстве. Отсюда происходит трансформация смысловой реальности обывателя и включение его в смысловую реальность социальных отношений того пространства, куда он попадает, в данном случае, Дальнего Востока» [3: с. 129]. (Пунктуация сохранена. – *Р.Л.*) Интересно, откуда взялась в Российской империи Вологодская область? Мы-то до сих пор наивно полагали, что никакой такой области не было, а существовала Вологодская губерния, но, видимо, придется внести коррективы в наш «смысловой ряд о пространстве» или даже в наши «гносеологические представления». Все-таки Г.Э. Говорухин окончил исторический факультет педагогического института, и ему видней. Образованность, значит. Впрочем, давайте посмотрим, какова же мысль, выраженная в цитированных словах. Если снять с нее все эти мадригальные блески, она проста, как мычание: приезжая в незнакомую местность, человек вносит

изменения в свои первоначальные представления о ней. Согласитесь, очень глубокое обобщение. А вот как Г.Э. Говорухин описывает этапы заселения территории. Этап первый: «Ожидаемые трансцендентные (мифологические) символические ряды пространства представляют собой обобщенный образ пространства для внешних наблюдателей» [3: с. 142]. В переводе на нормальный язык это означает, что потенциальные переселенцы поначалу имеют довольно смутное представление о тех местах, куда они отправляются. Далее: «Второй шаг приводит к реализации "проекта" окультуривания пространства. Теперь пространство не только осмысливается, что делается с целью поиска «мест оседлости», но формируется, создается» [3: с. 145]. Оставим на совести автора мифические «места оседлости». Смысл утверждения достаточно ясен: отыскав подходящее место для постоянного проживания, переселенцы основывают населенный пункт и обживают его. Что же происходит потом? На говорухинском диалекте это описано так: «Традиции населения четко выражены в хабитуарных (от хабитус [Р. Bourdieu, 1990: 52–56]) «привыченных» отношениях человека, готового действовать определенным образом. К числу таких традиций может принадлежать выработанный ритм жизни поселения, система ценностных восприятий мест поселения, т.е. все то, что могло бы влиять на систему коммуникаций в населенном пункте. Традиции такого рода свидетельствуют о приживаемости актора в границах конкретного пространства и создают формальные, символические условия оседлости населения в этом пространстве [3: с. 148]. По-русски это означает следующее: с течением времени люди привыкают к новым условиям, у них вырабатывается определенный ритм жизни, формируются новые традиции и обычаи, что говорит об успешной адаптации. Надо полагать, до теоретических изысканий Г.Э. Говорухина это никому не было известно.

Банальность всего содержания объемистой монографии отчетливей всего проявляется в заключении. Оно короткое, менее полутора страниц. Из соображений гуманизма, щадя нервы читателя, не станем приводить его целиком. Передадим содержание. Итак, нам сообщается, что люди проживают не где-нибудь, а на некоторой территории, т.е. в пространстве. Государство устанавливает на этой территории определенный порядок. Дальний Восток России осваивался не столько стихийно, сколько в результате принимаемых государством мер. Государство должно быть заинтересовано в развитии региона, но эгоизм чиновников, не желающих проживать на глубокой периферии и предпочитающих обитать в более благоустроенных городах, препятствует реализации этой цели. Все это может закончиться весьма печально. Завершается

заключение и вместе с ним вся монография патетическим восклицанием: «В этом случае становится понятно, что политическая система не терпит лакун, и неизбежно пустующие территории начнут осваиваться и заниматься кем то другим. Здесь необходимо четко ответить на вопрос: насколько нашей стране необходим Дальний Восток, и насколько его дальнейшее развитие как части нашей страны имеет смысл» [4: с. 288]. (Орфография и пунктуация источника. – Р.Л.) Что ж, с автором нельзя не согласиться: если народ России не станет осваивать Дальний Восток, его освою другие народы. Философский вопрос: зачем было писать пухлый труд, чтобы прийти к столь очевидному выводу?

Это мы процитировали заключение ко второму изданию монографии. Но заключение есть и в первом издании (выдаваемом, напомним, за отдельную монографию). Автор пишет: «<...>Дальнейшая политика государства по усилению вертикали власти неизбежно приведет к ослаблению его связи с регионами и дальнейшему отторжению этих регионов» [3: с. 166]. Сказано не очень грамотно (нужно было вести речь о связи центра и периферии), но это в данном случае несущественно. Важно то, что автор совершенно не понимает, что дело не в пресловутой «вертикали власти», а в объективном экономическом интересе. Силы экономической гравитации отрывают Дальний Восток и Сибирь от центральных и западных регионов России, и это не зависит от того, как распределены полномочия чиновников. То, что нам предлагают в качестве прогноза, таковым по сути не является. С таким же успехом синоптик может прогнозировать наступление в Хабаровском крае жары в июле и морозов в декабре. Объективные причины регионального сепаратизма заключаются в самом капиталистическом строе, установившемся в стране после того, как она «возвратилась в лоно мировой цивилизации». Об этом нам уже приходилось высказываться [7].

Когда автор на своем уникальном наречии говорит о вещах житейских, обыденных, его суждения вполне адекватны. Да, люди действительно именно так и поступают: приезжают на новое место с грузом старых представлений и устоявшихся привычек, постепенно обретают опыт, заставляющий их скорректировать свои взгляды и выработать новые привычки. Проходит некоторое время – и новоселы становятся старожилами. Да, государство принимает участие в переселении, регулируя процесс посредством издания нормативных актов разного рода. И оно порой не может сразу навести должный порядок на своей территории. Кому это не известно? Что в этих суждениях принципиально нового?

Но, наряду с такими суждениями – столь же правильными, сколь и банальными, – в монографии в изобилии встречаются высказывания, которые

способны привести (гипотетического) читателя в состояние глубокой задумчивости. Вот на с. 83 первого издания монографии читаем: «<...> Полемика соприкосновения власти и человека является пространством, которое по своей сути является апофатическим (отрицающим) к пространству собственно человека или власти». В переводе с говорухинского на русский сие означает: человек и власть находятся в вечном антагонизме. Это, конечно, полнейшая чепуха. Нет никакого от века данного непримиримого противоречия между человеком и государством. Государство – механизм регулирования общественных отношений, машина, с помощью которой одни социальные слои и классы господствуют над другими. Олигарх, которому современное российское государство компенсирует убытки от введения санкций против России, ни в каком антагонизме по отношению к власти не находится. Нам могут возразить, что наш перевод неверен, что Г.Э. Говорухин имел в виду совсем другое. Что ж, мы допускаем такую возможность. Пусть тогда кто-нибудь даст правильный перевод, разъяснит совершенную нами ошибку. Но ведь наша книга, содержащая нелюбезную критику всей эпопеи Г.Э. Говорухина, была опубликована более десяти лет назад, за это время можно было бы найти бреши в наших построениях, раскрыть всем глаза на наши заблуждения. Однако ни одного (!!!) возражения за все эти годы не последовало. Отмолчался даже Л.Е. Бляхер, которого Г.Э. Говорухин аттестует как своего «друга и учителя», не преминув отметить при этом, что его «интеллектуальная и человеческая поддержка» «позволила оформиться ряду основных положений книги» [4: с. 7].

Чтобы не давать повода для обвинений в произвольной интерпретации высказываний Г.Э. Говорухина, приведем его подлинные слова, не допускающие двойного толкования: «<...> Власть и насилие являются антиподами» [3: с. 85]. Интересно, где Г.Э. Говорухин видел такое государство, которое обходится без полиции, прокуратуры, суда, тюрем и т.п.? Или государство – это уже нечто такое, что к власти никакого отношения не имеет?

Впрочем, в монографии мы находим и прямо противоположное утверждение: «Власть именно потому власть, что требует подчинения объекта субъекту...» [3: с. 20]. Так власть «требует подчинения» или «является антиподом насилию»?

Другая очевидная нелепость – представление о власти как о субъективной реальности. Вот высказывание на этот счет: «<...> Категориальное понятие власти выражает не конкретный осязаемый объект исследования, а явление индивидуально проживаемого опыта понимания власти» [3: с. 98]. В переводе на

русский: власть – не объективная данность, а субъективная реальность. Когда полицейский огреет дубинкой участника несанкционированного митинга, то у последнего сформируется вполне определенный «индивидуально проживаемый опыт понимания власти», не так ли? И вряд ли сей печальный «опыт понимания» сможет служить подтверждением тезиса о том, что власть – это «неосязаемый объект».

Впрочем, нелепое представление о власти как субъективной реальности мирно уживается с не менее абсурдным тезисом о том, что власть – феномен intersubjective. «Пространство власти, – пишет Г.Э. Говорухин на той же странице, – это символика intersubjective рефлексии исследователей». И это самое пространство «может быть редуцировано, вынесено за скобки объективной реальности» (Там же). Власть за скобками объективной реальности! Это посильней, чем «мечта в мечтах». Ах, да, не сама власть, а только «пространство власти». Ну, это коренным образом меняет дело.

Есть еще одна принципиальная особенность рассматриваемой монографии, заслуживающая отдельного упоминания. Наука, как известно, развивается через критику, дискуссии, полемику. Попробуйте отыскать в трактате Г.Э. Говорухина хотя бы робкую попытку с кем-то не согласиться, вступить в полемику. Вы потерпите неудачу: ничего подобного там нет. Все по-своему правы, каждый поет по своему голосу. Это положительно характеризует автора: он не желает осложнять себе жизнь спорами с авторитетами. На защите диссертации такие споры могут повредить. Житейская осмотрительность – свойство для обывателя (любимого персонажа Г.Э. Говорухина) весьма полезное, но только с научной принципиальностью ничего общего не имеющее.

Объем журнальной статьи лишает нас возможности продолжать разбор монографии Г.Э. Говорухина. Надеемся, сказанного достаточно для решения поставленной задачи: составления таблицы, облегчающей труд рецензента (табл. 2).

Прокомментируем полученный результат. Пункт первый весьма актуален, потому что самоплагиат – явление в науке довольно распространенное. Но не всегда включение уже опубликованных текстов в новые работы представляет собой неправомерное заимствование. Такое включение вполне допустимо, но при одном обязательном условии: оно должно быть продиктовано необходимостью решить определенную исследовательскую задачу. Но задача создать впечатление, будто расширенная версия старой монографии представляет собой новую монографию, к числу исследовательских не относится.

Таблица 2

Оценка степени злокачественности текста, претендующего на научность

Признак	Степень проявленности признака					
	Нулевая	Очень слабая	Слабая	Умеренная	Выраженная	Максимальная
	Оценка в баллах					
	0	1	2	3	4	5
1. Самоплагиат						
2. Случай амнезии						
3. Небрежное оформление текста						
4. Невнятный заголовок						
5. Несоответствие фактического содержания декларациям						
6. Вычурный стиль, имитирующий научный						
7. Обилие канцеляризмов						
8. Обилие орфографических ошибок						
9. Обилие лексических ляпов						
10. непонимание общепринятого значения слов						
11. Обилие плеоназмов						
12. Нелепое словотворчество						
13. Произвольная пунктуация						
14. Игнорирование закона достаточного основания						
15. Множество логических противоречий						
16. Банальность основного содержания						
17. Тривиальность выводов						
18. Обилие абсурдных утверждений						
19. Уклонение от полемики						
20. Назойливая демонстрация учености и образованности						

По второму пункту. Амнезия проявляется у Г.Э. Говорухина не только в том, что он к тринадцатой странице забыл то, что написал на четвертой, а к шестнадцатой то, что было написано на тринадцатой. Такого рода факты, конечно, уникальны, нам с подобными вещами ранее никогда не приходилось сталкиваться. Но вот с перекидыванием фамилий и инициалов дело обстоит иначе. Многие как бы ученые этим грешат. Разумеется, Г.Э. Говорухин не представляет исключения. Об этом написано в нашей работе [10: с. 41, 162]; в настоящей статье мы этого вопроса не имели возможности коснуться.

Пункт третий. Под небрежным оформлением работы мы понимаем общую неряшливость, отсутствие культуры организации текста. И это касается не только таких вещей, как расхождение оглавления и фактического содержания, но и мелочей вроде разного интервала между цифрой, обозначающей номер параграфа, и названием последнего. Если мы посмотрим на оглавление первого издания монографии, то увидим, что эти интервалы в первой и второй главах не одинаковы. К основному тексту второго издания монографии присовокуплено 7 (!) приложений, занимающих 160 (!) страниц. Содержательно они ничего не добавляют к основному тексту, но лишь создают видимость солидности, основательности монографии. Зрелище фолианта объемом 478 с., да еще формата А4, само по себе способно подавить волю потенциального чи-

тателя к сопротивлению. А это, в сущности, попытка ввести читателя в заблуждение, проявление бескультуры, неуважения к научному сообществу.

По пункту четвертому. Работа рецензента начинается со знакомства с заголовком. Из него становится примерно понятно, о чем пойдет речь. Если же такая ясность не наступает, появляются основания утверждать, что заголовок невнятен.

Пятый пункт ориентирует рецензента на внимательное изучение и сопоставление аннотации, сформулированных целей и задач, заключения, в котором должно содержаться сообщение о реализации намерений, а также (что самое трудное) фактических результатов. В как бы научных сочинениях все структурные элементы текста связаны слабо или вообще не связаны. В нашей монографии этот аспект вопроса также освещен [10: с. 214].

Пункт шестой. Научный стиль нелегок для восприятия. Поэтому рецензент должен быть готов к тому, что данный ему на отзыв текст труден для понимания. Но если он труден *чрезмерно*, следует задаться вопросом: а не пытается ли автор ввести читателя в заблуждение? Не прикрывает ли заумная речь убожество содержания? Кто ясно мыслит, тот ясно излагает. А неясное изложение – признак недомыслия [8; 9].

Пункты 7–13. Они касаются разных аспектов грамотности автора. Принцип здесь простой: если автор не овладел навыком грамотного письма, то

он не в состоянии овладеть и принципами научного мышления. Грамотность – базовый элемент культуры. Тот, кто в детстве не смог научиться грамотно писать, в зрелом возрасте не сумеет освоить такой сложный вид деятельности, как научное познание. Отдельные ошибки и опiski простительны, ведь от ученого не требуется быть мастером слова. Но если автор *тотально безграмотен*, то он не может быть ученым по определению.

Судить об уровне грамотности автора несложно, ведь любой образованный человек без труда замечает ошибки в тексте, даже не углубляясь в его содержание.

Составить мнение об уровне логической культуры значительно трудней, ведь надо разобраться в том, что хотел сказать автор, что он фактически сказал, как одно утверждение стыкуется с другим и т.п. Поэтому заполнение пунктов 14 и 15 нашей таблицы требует от рецензента серьезных усилий.

Несколько легче заполнять пункты 16–18. Это обязывает эксперта сопоставить тезисы работы с реальностью. Истины науки существуют в зазоре между банальностью и абсурдом. Настоящий ученый способен удержать мысль в этом зазоре, как бы ученый не обладает необходимым умением. И потому он обречен либо изрекать трюизмы, либо выдвигать такие утверждения, которые с действительностью не имеют ничего общего.

Заполнение пунктов 19 и 20 не представляет для рецензента большого труда. Знакомясь с текстом, рецензент должен задать себе следующие вопросы: к какой школе автор принадлежит? С кем согласен? С кем расходится во мнениях? Настоящий ученый всегда выступает с поднятым забралом, как бы ученый сражается не за истину, а за степень. Правда, здесь необходимо принимать во внимание жанр научной работы. Объем статьи часто не дает возможности коснуться дискуссионных вопросов, монография – другое дело. Требование вступать в дискуссию для автора монографии обязательно, что же касается жанра статьи, то дело обстоит несколько иначе: вступать в открытую полемику не обязательно, но только лишь желательно. Но что автор должен сделать в любом случае – четко обозначить свою позицию, систему идейных координат, в которой он мыслит.

Далее. Если автор указывает в списке литературы десятки изданий на иностранных языках, а сам по-русски пишет на уровне Митрофанушки, то возникает подозрение, что нам пускают пыль в глаза. А если еще в основном тексте встречаются экзотические термины, употребленные к месту и не к месту, имеется великое множество ссылок на крупные авторитеты по поводу и без повода, используются англицизмы безо всякой надобности и т.п., то подозрение переходит в уверенность.

Чем удобна предложенная нами таблица? Она расчленяет сложную задачу рецензирования на ряд относительно простых, создает алгоритм действия. Она дает возможность количественно выразить степень злокачественности как бы научного текста. Минимальное количество баллов, которое может выставить рецензент, – ноль. Максимальное количество баллов, согласно предложенной нами таблице, – 100. Такого результата удалось достичь только Г.Э. Говорухину, остальные авторы могут лишь приближаться к покоренной им вершине.

Наша идея состоит в том, чтобы навсегда связать имя этого автора с достигнутым им выдающимся результатом. Мы дерзаем предложить научному сообществу такое новшество: ввести в науковедение специальный термин – говорухинизм. Это не какая-то концепция, а целостный феномен, идеально воплощающий в себе сущность как бы науки. Это тот эталон, с которым можно, нужно и должно сверять тексты, претендующие на научность. В итоге мы получаем простой, понятный и удобный в использовании критерий оценки текстов. Если, допустим, текст по нашей шкале получает ноль баллов, то он, несомненно, относится к числу научных, его без колебаний можно рекомендовать к печати. Если 50 баллов, то тогда можно утверждать, что тексту свойственно 50 процентов говорухинизма. И этот интегральный показатель сильно облегчил бы работу рецензентов. Допустим, редактор журнала просит рецензента дать оценку статьи автора имярек. Рецензент пишет в ответ: в работе 5 процентов говорухинизма. Все понятно: текст хоть и не без греха, но недостатки можно устранить путем редактирования. Если же в статье 10 процентов говорухинизма, то потрудиться придется больше, однако текст нельзя считать безнадежным. Но когда уровень говорухинизма выше двадцати процентов, работу следует уверенно отклонить.

Конечно, многие народы могут предъявить миру гениев косноязычия, корифеев скудоумия и гигантов недомыслия. Было бы, однако, несправедливо, если бы на этом блистательном фоне затерялась фигура скромного необучаемого доцента из Комсомольска-на-Амуре. Он сумел совершить то, что до сих пор не удавалось никому: дать миру непревзойденный, совершеннейший образец как бы науки. И потому его имя достойно того, чтобы войти во всеобщее сознание. Как известно, физическая единица для измерения величины электрического заряда носит имя французского ученого Кулона, имя другого французского исследователя Ампера запечатлено в названии величины электрического тока. А есть еще такие физические величины, как ньютон, тесла, фарад, джоуль, ватт, вольт; есть постоянная Планка, точки Лагранжа и многое, многое другое. И что мешает нам продолжить этот славный ряд имен? Нам, жителям

далекой российской глубинки, имеющим честь быть современниками Г.Э. Говорухина и даже читателями его классических трудов.

В указанной связи считаю необходимым предложить следующее. Прежде всего необходимо издать полное собрание его сочинений тиражом хотя бы 500 тысяч экземпляров (для начала). Не следует беспокоиться за судьбу родной природы: это не потребует много бумаги, ведь после защиты докторской диссертации классик мудро рассудил, что главное дело жизни сделано, можно и предаться более полезным занятиям, чем размышления о власти пространства и его символическом освоении. 36 лет – самый подходящий возраст для завершения научной карьеры, не так ли, уважаемые коллеги? Необходимо перевести собрание сочинений Г.Э. Говорухина на все ведущие языки мира: английский, русский, немецкий, французский, испанский, китайский, арабский, хинди и др. На РАН следует возложить задачу издать словарь языка Говорухина (по образцу словаря языка Пушкина). В дальнейшем следует написать серию учебных пособий для студентов, магистрантов и аспирантов, содержащих подробный разбор текстов классика и комментарии к ним. Явлению всемирно-исторического масштаба требуется соответствующий размах. Потом настанет черед научных конференций, посвященных творческому наследию нашего земляка, международных конгрессов и иных мероприятий в рамках ЮНЕСКО. Ну, а наша задача в настоящий момент – отринуть ложную скромность, говорить правду в глаза, не опасаясь того, что кому-то наши оценки могут показаться односторонними или преувеличенными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров, Е.Б. Проблемы экспансии лженауки / Е.Б. Александров // Бюллетень в защиту науки. – 2006. – № 1. – С. 8–16.
2. Волькенштейн, М.В. Биофизика в кривом зеркале / М.В. Волькенштейн // Наука и жизнь. – 1977. – № 7. – С. 62–66.
3. Говорухин, Г.Э. Власть и властные отношения в символическом пространстве осваиваемого региона : монография / Г.Э. Говорухин. – Комсомольск-на-Амуре : ГОУВПО «КНАГТУ», 2007. – 182 с.
4. Говорухин, Г.Э. Власть политики. Власть пространства Принципы формирования регионального управления на Дальнем Востоке / Г.Э. Говорухин. – Комсомольск-на-Амуре : ГОУВПО «КНАГТУ», 2008. – 478 с.
5. Казаков, М.А. Псевдонаука как превращенная форма научного знания: теоретический анализ / М.А. Казаков // Философия науки и техники. – 2016. – Т. 21. – С. 130–148.
6. Кезин, В.Е. Идеалы научности и паранаука / В.Е. Кезин // Научные и вненаучные формы мышления. – Москва : ИФ РАН, 1996. – С. 153–168.
7. Лившиц, Р.Л. Предпосылки дальневосточного сепаратизма / Р.Л. Лившиц // Дальний Восток в зеркале этнополитики : материалы Всерос. науч. конф. (Хабаровск, 25–26 октября 2019 г.). – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС. 2019. – С. 88–97.
8. Лившиц, Р.Л. Формы имитации науки / Р.Л. Лившиц // Инновации, инвестиции, интеллект. – 2015. – № 4. – С. 80–86.
9. Лившиц, Р.Л. Кто ясно мыслит? Научный текст как предмет гносеологического анализа / Р.Л. Лившиц // Когнитивная целостность человека : материалы междунар. науч.-практ. конф. (24–26 сентября 2012 г.). – Комсомольск-на-Амуре : Изд-во КНАГТУ, 2012. – С. 72–78.
10. Лившиц, Р.Л. Оптимальный тупик, или Как не следует писать научные труды. Пособие для аспирантов / Р.Л. Лившиц. – Москва : Владос, 2009. – 256 с.
11. Мартишина, Н.И. Когнитивные основания паранауки / Н.И. Мартишина. – Омск : Изд-во ОмГУ, 1996. – 187 с.
12. Мартишина, Н.И. Логические маркеры околonaучного знания / Н.И. Мартишина // Идеи и идеалы. – 2013. – № 4(18), Т. 1. – С. 62–71.
13. Мигдал, А.Б. Отличима ли истина от лжи? / А.Б. Мигдал // Наука и жизнь. – 1982. – № 1. – С. 60–67.
14. Пушкин, А.С. О муза пламенной сатиры! / А.С. Пушкин // Собр. соч. в 10 т. Т. 2. – Москва : Правда, 1981. – С. 96.
15. Сергеев, А.Г. Проблема практической демаркации науки и лженауки на российском научном поле / А.Г. Сергеев. – URL: <http://klnran.ru/2015/10/demarcation/> (дата обращения: 12.02.2020).
16. Сердюков, Ю.М. Альтернатива паранауке / Ю.М. Сердюков. – Москва : Academia, 2005. – 308 с.
17. Сердюков, Ю.М. Критический анализ паранауки / Ю.М. Сердюков. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2005. – 130 с.
18. Эйдельман, Е.Д. Ученые и псевдоученые: критерии демаркации / Е.Д. Эйдельман // Здравый смысл. – 2004. – № 4 (33). – С. 13–15.